

18+

Л и д и я С ы ч ё в а

ПРИРОДА
РУССКОГО
ОБРАЗА

Ли́дия Сы́чева

Природа русского образа

«Издательские решения»

Сычева Л.

Природа русского образа / Л. Сычева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906706-7

Убедительная, интересная и полезная книга для всех, кто любит русскую литературу и русскую поэзию. Читается на одном дыхании и оставит сильное впечатление. Заменит многие учебники и пособия. Дополненное и исправленное издание книги, вышедшей в «Алетейе» в 2014 году.

ISBN 978-5-44-906706-7

© Сычева Л.
© Издательские решения

Содержание

Природа русского образа	6
Беда чужих	7
Куда ушла наша сила?	13
Чувство любви, как вкус хлеба – одинаково у всех	18
Под ладонями красоты	21
Украденное богатство	23
О глубине и трагедийности	23
О раздумьях поэтов	27
«Те, кто достойней, Боже, Боже...»	30
О нищих душой	32
О зримости образа	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Природа русского образа

Лидия Сычева

Иван Граве *Дизайнер обложки*

© Лидия Сычева, 2024

© Иван Граве, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-4490-6706-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Об этой книге

Эта удивительная книга – об уникальных уроках поэтического мастерства известного русского поэта Валентина Сорокина, ревнителя родного языка, знатока и ценителя многовековой поэзии нашего Отечества.

Лидия Сычёва, будучи верной и внимательной ученицей поэта Сорокина, сумела воссоздать в своих очерках-беседах живые диалоги с ним о поэтическом творчестве мастеров русской школы стиха от древнейших времен до наших дней.

Беседы эти интересны и полезны как молодым поэтам, так и всем, кто влюблен в поэтический язык, в русское художественное слово.

Л. И. Скворцов, доктор филологических наук, профессор

Книга «Природа русского образа», выходящая в издательстве «Алетейя» в 2014 году, в данном издании дополнена двумя беседами.

Природа русского образа

«Мню я быть мастером, затосковав о трудной работе», – писал когда-то молодой Павел Васильев. Стихи – трудная работа. А всего-то и кажется – невесомая строчка на белой бумаге... Но «останавливать мрамора гиблый разбег и крушение» способны лишь настоящие мастера – герои античности, титаны Возрождения, витязи русской поэзии – золотого, серебряного и бронзового веков. Правда, очень часто мы драгоценный мрамор путаем с гипсом подделок. С поэтом Валентином Сорокиным, автором многих стихотворных и публицистических книг, мы говорили о мастерстве. И не только...

Беда чужих

– Валентин Васильевич, у меня в руках недавно изданный томик стихов Осипа Мандельштама. В сборнике приводятся слова Георгия Адамовича: «Стихи Мандельштама – наперекор всем его суждениям об искусстве – всего только бред. Но в этом бреде яснее, чем где бы то ни было, слышатся еще отзвуки песен ангела, летевшего „по небу полуночи“...» Честно говоря, лично я больше согласна с первой половиной этого высказывания. Можем ли мы вместе с вами разобрать несколько мандельштамовских стихотворений?

– Пожалуйста.

– Тогда читаю стихи, датированные 1912-м годом.

– Ну, совершенно безотчие, русскоязычные, имитационные стихи.

– А мне они кажутся просто слабыми...

– Первые строчки читайте.

– «Образ твой, мучительный и зыбкий...»

– Уже плохо – «мучительный и зыбкий». Что ж за образ-то такой? Она что, туберкулезом болеет, эта девочка? Ну ладно, пусть. Он мучается, и она далеко где-то... Пусть так. Дальше читайте.

– «Я не мог в тумане осязть...»

– Мало ему, что образ расплывчатый, зыбкий, так еще и в тумане! Ну, как бы в кислом молоке даже.

– «Господи!» – сказал я по ошибке, Сам того не думая сказать...»

– А почему по ошибке? Сказал: «Господи!», – что ж тут за ошибка?! А что он: «Сталин», – хотел сказать?! То есть разорванная логика, понимаете? Набор русских междометий, восклицаний, неясностей, смятений, но они все неестественны, они как бы приткнуты друг к другу. Всё это не взахлёб сказано, а так: ходил поэт по комнате, может быть, даже щи хлебал перед этим.

– «Божье имя, как большая птица, Вылетело из моей груди...».

– Ужасно! Представляете, мокрый гусь вылетел! Это просто неряшливо сказано: «Божье имя, как большая птица, Вылетело из моей груди». Я представляю, у него грудь какая! Что это, сарай, что ли?! Это плохо очень!

– Говорят же так: вздох вылетел...

– А-а-а! Сказал бы, как жар-птица, птица, а причём тут эпитет «большая»? Если птица большая из его груди вылетела, представьте, какой он сам! А он был тщедушный, болезненный.

– «Впереди густой туман клубится...»

– Ну было уже – «в тумане»!

– Было... «И пустая клетка позади».

– Грудная клетка, что ли? Ах, птица улетела, и клетка пустая осталась... Ну это вообще, патология какая-то! Стихотворение – пародийное! «И пустая клетка позади», – птица улетела и у него грудная клетка пустая. А если это тюремная клетка позади, то ещё хуже – за что сажать-то, он ни в чём не виноват?! О стихах этих можно сказать: с миру по нитке.

– Да?

– Да. С миру по нитке.

Попробуй раскуй, попробуй оторви хоть одно звено! Александр Блок. И состояние как передается! И всё так должно быть сковано! Вот красивая женская ладонь, узкая, а вот мужская, пятипалая, она, может быть, грубая, но всё равно красивая, понимаете? Отними любой палец – изувечишь, красоту искалечишь! И в стихах так. А тут он набрал внешнего – серебрится имя мучительно-зыбкое, в тумане, слово Бог по ошибке сказал... Вроде бы хорошо, но потряси это стихотворение, и оно, как после огромного зноя сосёнка, которая высохла – все

иголки осыпятся. Типичные стихи, написанные не самоощущением, а иллюзией ощущения. Это не его ощущения, это иллюзия. Ему всё лишь кажется!

– Вы говорите, и так волнуетесь...

– Ну как же! Я же плачу над стихами! Вот если лошадь распрячь, она идет на зелёную траву. Так и я. Я – рабочая лошадь. Творец, рабочий, ну, допустим, как скульптор. У меня всё время под руками этот мрамор дробящийся! А как же – это ведь тяжелейшая работа! «Господи!» – сказал я по ошибке...» Тогда «Товарищ Сталин», – сказал бы... Что за вольность?

И беда не в том, что я так говорю, а беда в том, что народ наш настолько околпачен, что похож на человека, который ест несолёное, и не знает, что это несолёное. Это сцена – Мандельштам играет поэта! Ему не до горя! А когда поэт не играет, а говорит, он не знает, он весь в этом, а человек падает от его горя! Поэт даже не понимает, какое у него глубокое горе, он весь в нём! Вот как ветер в море вошел, волны кипят вокруг, но ветру наплевать на то, что валы встают за ним, он творит свою трагедию! Так и поэт. А здесь всё рассчитано.

– Сборник из которого я читаю, называется «Избранное». В него вошли лучшие, по мнению составителей, стихи Осипа Мандельштама.

– Вообще, Осип Мандельштам как русскоязычный поэт отличается от своих соплеменников очень сильно. Прежде всего, он отличается искренностью. Потом, не случайно же он так пострадал – на искреннего человека всегда огонь власти накатывается быстрее, чем на кого-либо другого. Но вот это стихотворение... Есть закон: технически мы должны быть точными, как гвозди в стене, заколоченные с одного удара мастером. Иначе – грош нам цена. Или я пишу белый свободный стих, и всё равно я правлю ритмом, мелодикой стиха, иначе я его развалю, и он никому не будет нужен – это как шла бы машина и вдруг распалась на запчасти... «Зима – размах», – он потерял рифму. Он работает в классической ритмической манере. Ритмы его стихов – классика, они не нарушаемы, значит, рифмы должны соответствовать им. Я не могу надеть голубую рубашку с ярко-зелёным галстуком – это будет некрасиво! Или у меня будут черные туфли, костюм, галстук в тон и ярко-красный портфель возьму – и буду выглядеть как дурачок с погремушкой. Вот в чём дело! А имитация стихии – это имитация поэта. Прочитайте еще раз первую строфу.

– Пожалуйста:

– Звучит слово «зима» и у нас сразу же возникает картина – это время года может быть буйным, тихим, метельным, солнечным – в общем, это довольно спокойное, неопределенное слово. А «размах» – такое сильное слово, да еще кончается на «ах», и он «съел» эту рифму. Ту тихость, ту созерцательную интеллигентность он словом «размах» приколотил, и получилось так, что он стукнул огромной кувалдой по соломенной шляпе. Ощущения-то у него нормальные, он хотел написать, что зима только начинается, что она покажет потом свою силу, а сейчас она делает как бы разбег, взрослеет на его глазах, вот он что хотел сказать! А всё съел!

– Вторая строфа:

– Это ничего. Ворон. «Перед всем беслесным кругом», – видимо, поэт видит поляну, она очертилась снегом... Что-то блоковско-фетовское.

– И заключительная строфа:

– Но сильней всего непрочно – это очень плохо. «Богатырь я, богатырь – туберкулезный». Тогда уж оставь или «сильней всего», или «непрочно». Это всё равно что две кобры бросить друг на дружку – взаимоуничтожение слов. В распахнутую дверь ко мне вошел стройный горбун, – я ж не могу так сказать! Здесь – отсутствие понимания художественно-психологической несопричастности слов друг другу. Как монтажники говорят – нестыковки. Он ставит на конец стиха – слово «непрочно», и получается «но сильней всего непрочно» – путаница.

– «Выпуклых голубизна...»

– И это плохо. Дальше он объяснит, но у читателя сразу недоумение – чего «выпуклых голубизна»? Глаз? Существительное ведь далеко!

– «Полукруглый лед височный...»

– Во-первых, это очень непонятно, абстрактно, во-вторых, стихотворение написано не по наитию, а по неясным, идущим далеко-далеко, еще даже неподавшим своего голоса ощущениям. Поэт имеет на это право, но только он. А почему я должен пользоваться тем правом, которое он сам для себя не понял? Вот в чем дело! Всё ведь искренне здесь, мы видим мятущегося поэта, а картины нет! Потом, соединение «непрочно – височным». Тут много от человека деталей, а сам он нагнетает природу. Несовместимость, я бы так сказал, на языке огрубления – росы и пота. И в результате – отвращение.

Человек-то он хороший, очень порядочный и честный по-своему, стремился к русской стихии. Стихии интеллигентно управляемой, красивой и летящей. Ну, как скакун, допустим, выдрессированный.

Я знаю, как он погибал, Борис Ручьев мне рассказал. Подбежали к нему, к Ручьеву, заключенные, говорят: иди, там твой поэт умирает. Зона общая, но в помещениях они были разных. Когда Ручьев пришел, Мандельштам лежал на нарах один. Кость и кость – до того исхудавший! Он уже умирал, и просил пить. Несколько минут еще прожил. И Ручьев мне рассказывал: «Я, – говорит, – Валя, нашел пятаки и по русскому обычаю перекрестил его, глаза ему закрыл и положил на них монеты».

Ручьев человек был очень честный. Он мне говорит: «Я не могу писать, – в нем страх еще очень жил – представьте, двадцать лет отмолчал, – а ты будешь седым, расскажешь». Хорошо, говорю. Я слушал его воспоминания, переживал страшно. Ручьев тепло о нем говорил. Но поэт Мандельштам слабый...

– Давайте всё-таки еще одно стихотворение посмотрим.

– Хорошо!

– Ну всё испохабил! Взял мышь – и ешь, не обязательно угощать всех! Первая строфа хорошая, но «подкидывш, дрожишь» – это плохо. Многие интересочинители — поэты, прозаики, критики – лишены русской опрятности. Я с юности это понимал. Там, где русский человек обойдет, русскоязычный литератор обязательно скажет об этой «краске»! Это, видимо, вызвано тем, что у них отношение к сковороде, к зарезанному поросёнку, к быту совершенно другое, чем у нас. Все стихи, посвященные любви, в русской поэзии настолько чисты, будто серебро вынутое из какого-то состава, который еще и серебро очищает! Вот какие стихи у нас! Даже мат: «Что ж ты смотришь так синими брызгами, или в морду хошь?» – Есенин говорит, – это у него хулиганские стихи, специально написанные разгневанным поэтом, а грязи в них нет! А прочитанные стихи лиричные, любимой посвящены, и все в грязи! Такое впечатление, что поэт неряшлив, небрит, и не успел умыться даже. Вы не согласны?

– Я согласна, я просто удивляюсь какой у вас абсолютный поэтический слух! Это невозможно приобрести, с этим надо родиться.

– Да, мне это говорили всё время, когда я начинал писать и еще не печатался даже. Первый мой учитель был Александр Яковлевич Гольдберг, еврей, который знал Мандельштама, и он мне говорил: «У Сорокина абсолютный поэтический слух, абсолютный вкус к слову!» Ну, а что, как меня опровергнешь? Это всё равно что вы меня пригласите в гости: «Я вас жду, картошки наварила», – а я приду, она сырая, недоваренная. Он же загубил стихотворение – «мышь в зубах держу»! Может быть, в пустыне Синая это и нормально смотрится – вышел «эпик», держит мышь в зубах. А у нас это не пройдет... Ещё одно стихотворение прочтите, и всё – много чести ему.

– Хорошо.

– Это, видимо, Новым годом навеяно, но текст разорванный, отрывочный, который он решил склеить. Стихотворение – бесстрастное, написано только бездельем и величайшим напряжением ума.

– Пожалуй, вы правы. Виктор Шкловский писал в воспоминаниях: «По дому, закинув голову, ходил Осип Мандельштам. Он пишет стихи на людях. Читает строку за строкой днями. Стихи рождаются тяжелыми. Каждая строка отдельно».

– Прав я не потому, что я прав! Вот Сергей Есин. Он говорит, допустим: «Я знаю! Я читал Иванова!» Он совершенно уверен в том, что от Москвы и аж до Пекина никто ни читал Иванова! Он говорит – он видит. Но поэт-то говорит так, что идущие за ним иногда видят даже больше, чем он говорит! Потому что он летит, как птица, которая сейчас над нами – она летит и нас видит, а за ней, может быть, тысячи человек следят! А Мандельштам не думает об этом. Толпа, очередь в гардероб. Какая очередь? Давайте будем гадать: семья большая на Новый год собралась, шляпа у них одна на всех, они её ищут, или это очередь в коридоре – все соседи хотят выйти на улицу, на новогоднюю ночь посмотреть... Что это такое, вообще?! Потом, в каждой строке – бытовщина. Кстати говоря, почти все, не прикипевшие кровью к России люди, такие. Он никак не раскинет крылья и не скажет – ах, какая необъятная моя Русь! Везде серебряная мышь им чудится, всё время у них теснота в стихах – их сжимает внутреннее чувство. И вот он говорит какими-то отрывочными фразами, как будто разломил карандаш и пуляет его в толпу.

Ну, а последнее, что я хочу сказать, Мандельштам – родной брат Пастернаку...

– Тогда я читаю вам лучшее, на мой взгляд, стихотворение Бориса Пастернака из сборника «Лирика».

– «Свеча горела...»?

– Нет, оно почему-то в эту книгу не включено... Называется стихотворение «Ночной ветер».

– Хорошо, хорошее название.

– Да, «Ночной ветер».

– Стихотворение очень искреннее, хотя могло бы быть и трагичнее. Но он не нашел смысла в середине произведения! Закончил – мне нравится очень: «За разборами их неладов По дороге деревья толпятся». Какая-то опустошенность, что-то прошло, ушло, они даже и не поняли, эти ожившие деревья... Хотя в начале рифма «спозаранок – с погулянок» – корявая. Но ладно. Дело в том, что ложку дегтя – не специально – он всё-таки в стихотворение влил. Он не нашел груза главного. И у него получилось облегчённое стихотворение. Не будь концовки, оно бы вообще было ничтожным.

Но это беда их, потому что нельзя на равных петь чужой мир. На равных с русскими поэтами. Это не получится. Даже у Пастернака – он честно старается, но – не получается!

В рассказе и то должна быть сквозная логика – как свет. Солнышко взойдет, и оно всю квартиру пронзит – хоть как ты её занавешивай. Везде логика! А уж в стихах логика должна быть абсолютной!

Образ твой, мучительный и зыбкий,
Я не мог в тумане осязать.
«Господи!» – сказал я по ошибке,
Сам того не думая сказать.

Божье имя, как большая птица,
Вылетело из моей груди.
Впереди густой туман клубится,
И пустая клетка позади.

Я пригвожден к трактирной стойке.

Я пьян давно. Мне всё – равно.
Вон счастье моё – на тройке
В серебристый дым унесено!..

Как подарок запоздалый
Ощутима мной зима —
Я люблю её сначала
Неуверенный размах.

Хороша она испугом,
Как начало грозных дел, —
Перед всем безлесным кругом
Даже ворон оробел.

Но сильней всего непрочно —
Выпуклых голубизна —
Полукруглый лед височный
Речек, бающих без сна...

Как подарок запоздалый
Ощутима мной зима —
Я люблю её сначала
Неуверенный размах.

Хороша она испугом,
Как начало грозных дел, —
Перед всем безлесным кругом
Даже ворон оробел.

Но сильней всего непрочно —
Выпуклых голубизна —
Полукруглый лед височный
Речек, бающих без сна...

После полуночи сердце ворует
Прямо из рук запрещенную тишь.
Тихо живет – хорошо озорует,
Любишь – не любишь – ни с чем не сравнишь...

– Любишь – не любишь, поймешь – не поймашь...
Не потому ль, как подкидыш, дрожишь,
Что пополуночи сердце пирует,
Взяв на прикус серебристую мышь?

Ночь на дворе. Барская лжа:
После меня хоть потоп.
Что же потом? Хрип горожан
И толкотня в гардероб.

Бал-маскарад. Век-волкодав.
Так затверди ж на зубок:
Шапку в рукав, шапкой в рукав —
И да хранит тебя Бог!

Стихли песни и пьяный галдеж.
Завтра надо вставать спозаранок.
В избах гаснут огни. Молодежь
Разошлась по домам с погулянок.

Только ветер бредет наугад
Всё по той же заросшей тропинке,
По которой с толпою ребят
Восвояси он шел с вечеринки.

Он за дверью поник головой.
Он не любит ночных катавасий.
Он бы кончить хотел мировой
В споре с ночью свои несогласья.

Перед ними – заборы садов.
Оба спорят, не могут уняться.
За разборками их неладов
По дороге деревья толпятся.

Куда ушла наша сила?

– Валентин Васильевич, вы говорите, что «народ наш настолько околпачен, что похож на человека, который ест несолёное, и не знает, что это несолёное». Почему же люди с абсолютным поэтическим слухом стали рождаться всё реже?

– Никто же на эту тему не говорит, что произошло с нашим народом. Его уничтожали в войнах, спаивали, стреляли, потом стали возвращаться домой инвалиды. Бабы здоровые от них рожали. И на какой-то грани народ наш стал физически ниже. Сколько молодежи у нас сейчас щуплой, хилой, из ста одного парня здорового, красивого найдешь! Качественно мы стали мельчать и это сильно сейчас заметно. Посмотрите, насколько чечены физически крепче нас! Это просто в глаза бросается. А искусство, особенно поэзия... Больной поэт ничего не создаст. Поэт здоровым должен быть, физически крепким, потому что должна быть гармония в поэте – он соединяет в себе, силу, тревожность, пронзительность. Посмотрите, Есенин, Блок... Ахматова писала: «Разбойный посвист молодого Блока!..» Есенин – его трактором не задавишь!.. Дерзость, воля, разум и красота.

Я сегодня ехал в электричке, зашли в вагон чечены. Крепкие, с русскими бабами. Цинично смотрят на них. А бабы всё равно с ними – мужиков русских нет... И запомните, чем ни сильнее, ни гуще поколение, тем больше оно дает учёных. Вот поколение перед революцией и после неё сразу дали мощных поэтов, потому что народ наш еще не успел угробиться. Ещё были года... Ответьте мне на вопрос: почему не родили нивхи, ненцы, уйгуры, нанайцы Пушкина?

– Их мало...

– Вот вы и всё сказали. А в Китае великих – целые армии.

– Понятно. Допустим, что родился поэт с абсолютным поэтическим слухом. Что-то его в жизни может сбить с толку?..

– Нет, ничего его не собьет. Только пуля. И я вам должен сказать, что КГБ это хорошо учитывало. Там не церемонились...

Уверенность какая! Я ведь очень молодой был, когда писал эти строки – тридцати мне не было. А стихи – гранит! Даже пусть с похвальбою.

Это стихотворение когда вышло, так «Литгазета» обрушились на меня: «Шовинист! Как начинает, захлёбывается!» Ну, сила какая, это же не надо даже понимать – школьнику, например, звук р-р-р будит всё – чувства, историческую память, силу. Нет, поэзию также легко отличить, как воробья от орла. Я сразу это вижу. Мы, поэты, начинаем между собой говорить, и Юрий Кузнецов, например, он никогда со мной не спорит, берется за голову и всё.

– Тогда я вам прочитаю строфа из поэмы Юрия Кузнецова «Путь Христа».

– Давайте!

– «Отговорила роща золотая», – не надо бы так Есенина перепевать. Как бы на поминках... Ну, ладно, пусть. Но «я плачу и смерть отгоняю рукой» – пожалуйста, если можешь, отгоняй ногой.

– А чем же её можно отгонять?

– Да смешно это! Потом, «и слепо, и глухо, и немо» – нельзя собирать на себя самого такие определения... Допустим, мне нужно сказать плохие слова о Гитлере, или о соседе своём, которого я ненавижу. Я могу три, четыре, двадцать эпитетов в три строчки вколотить и так их расставить, что читатель будет идти по ним, как по мраморным ступеням и звенеть каблуками. А если я хочу сказать о себе положительно, а собираю самые оплеушные и мокрые лягушьи слова и хочу, чтобы они у меня имели положительный смысл – это не получится! «И слепо, и глухо, и немо» – уже плохо. А вот если бы он так сказал: «Золотая моя поэма! Ты искришься, ты вся горишь светом купольным, а я – ослеп!», – тогда трагедия какая-то была бы.

– А вот я вам прочитаю стихи одной, рано ушедшей из жизни, сибирской поэтессы, Лиры Абдуллиной.

– Очень искренне, очень чувственно сделано, никакой лжи нет, но надо было середину выкинуть. Слово «лекарство» сюда не надо тащить. Потом «дрожь – дождь»... Всё это болезнь периферии – они не умеют себя редактировать. Читайте сначала.

– Пожалуйста.

– Пусть бы она сказала не два раза «неможется», а то смешно получается, а как-то разбавила строку, другим словом. Ладно, оставляем так. Дальше.

– «Со мною – снег» – плохо. Если бы она сказала, допустим, «снится снег», и то было бы лучше. Потом, на концовке рифма завершает смысл полной строфы. Рифма должна быть очень точная. «Вслед» и «снег» – неточно. Если бы «снег» стоял в середине, на месте «вслед», а «л» звук сильный, он пожирал даже звук «р», то рифма как бы припечатала строку. А здесь такая расслабленность психологическая получилась – вы бежали, допустим, поцеловать своего Ромео, раз, и не добежали... Воля её покинула. А так нормально всё. Давайте дальше.

– Великолепно! Просто великолепно! Представьте себе, если бы здесь стихотворение закончилось, и хромающей рифмы со снегом не было бы. Это было бы не стихотворение, а перстень золотой! Или зелёный лист на ладони. Читайте.

– Всё, испортила стихотворение. Ну, не надо врача – вызови скорую помощь, в конце концов. Врач будет долго идти, а тут бригада приедет, сделает укол... К чему это?!

– Ну зачем всё это надо было городить?! Сама с собой не справилась! Представьте: бежит волк на охотника. Огромный, лохматый, злой волк. Охотник стреляет. Убил, а этот волк месяцев пять не ел. Тощий, и шкура вся испорчена. Так и поэтесса – сама себя перехитрила. Сейчас мы это стихотворение отредактируем, чтобы вы поняли. Читайте сначала.

– Изумительно! Дальше.

– Выбрасываем строку про врача. «И подушка моя права, – грубо я говорю, – Что растёт на земле трава». Это не лишне будет, а там мы выбросили.

– Прекрасные стихи! И как на месте будет «дрожь» – никто и не заметит, что это банально.

Очень важно, чтобы по теме вашего произведения рождался словарь. Вы, допустим, нарисовали березу, у вас есть световое решение, и всё вроде бы на месте. А вот есть такие слова, которые художнику ни в коем случае произносить нельзя. Особенно из области медицины, техники, железной дороги. Слово «родиться» – изумительно, слово «рожать» – уже другое, оно должно быть грубо вколочено куда-то. Допустим, «Не мешайте русским думать и рожать!», – что-то такое. Поэтесса говорит: «Есть лекарственные слова», – а ведь могла бы сказать, что есть молнии, гроза, жизнь большая – могла бы усилить стихотворение!

– А Маяковский в стихи нес новые слова и не стеснялся.

– И вот видите, он много зеленых и красных фонарей сбил, и теперь никому не нужен. Нет, он будет в литературе, его всё время будут волочить, как комбайн на ремонт через все хутора. Но я люблю его. Знаете, что погубило его? Грузия. Он рос на этой взвинченности грузинской, на этой зелени пьяной, на восклицаниях их громких, он это с детства впитал – среда же влияет. А язык у него русский, энергия постижения русская, а окружение, природа – нерусская, другая. Это же какое противоречие для него, представляете?! Поэтому стал весь выворачиваться, сразу напрямиком к этим футуристам побежал, потому что в родной, казачьей стихии он не жил. А вот представляете, Маяковский родился и жил бы в Рязани, какой поэт он был бы огромный! Мамонт кричащий. Я люблю Маяковского.

Он ведь сразу заявил себя как трагический поэт, живущий на разломе двух времен, а не получилось, вышел обычный нервный ор. Потом все эти его агитки... Ну, он зарабатывал много, Брики и их окружение его просто уничтожили. Ему-то ничего этого не нужно было.

– «И кроме свежевывмытой сорочки, скажу по совести, мне ничего не надо...»

– Вот Россия! Или «Вот и жизнь пройдет, как прошли Азорские острова». В нем много есть силы... Да, я стихи сразу чувствую. Василий Федоров на одном из совещаний молодых писателей говорит собравшимся: «Пусть Валентин ведет занятие! Он лучше меня это сделает».

– А у Федорова был абсолютный слух?

– Нет. Но слух у него был хороший, он музыкальный поэт. У Федорова знаете, что отсутствовало? Но это ему не мешало, он очень крупный поэт. У него не было насмешливости – не в произведениях, а в душе. Он был верен Ильичу.

– То есть Ильич был вне критики?

– Я с ним сижу, говорю, а он мне: партия – ум, честь и совесть эпохи. А я ему: вы что, боитесь что нас КГБ подслушивает? Или у вас мания, что вас записывают?

– Ну, наверное, у Твардовского-то точно был абсолютный поэтический слух?

– Не скажите. Федоров нежней его поэт. Но у Твардовского другая нежность есть – у него много от матери, много от рассказа женщины, крестьянки пережившей. «Мать родная, столица! Москва, Москва!» Это же бабий крик! «Земля крошится, как пирог, хоть подбирай да ешь», – мать же говорит!..

Купола Кремля золотоглавы,
Голубой, весенний ветровой,
Никогда не посрамлю я славы
Родины восторженной моей!

Дух её, в святых победных драках
До горячей вражеской земли,
На подковах, на мечях, на траках,
Русские гвардейцы пронесли.

– Отговорила моя золотая поэма.
Всё остальное – и слепо, и глухо, и немо.
Боже! Я плачу и смерть отгоняю рукой.
Дай мне великую старость и мудрый покой!

...Мне неможется, мне неможется.
Что с тобою? – друзья тревожатся.
Головами качают вслед.
Что со мною? Со мною – снег.
Десять месяцев до весны.
Десять месяцев белые сны.
Десять месяцев невпазд
Всё мерещится листопад.
И подушка моя горяча,
И не надобно мне врача...
Есть лекарственные слова:
Что растет на земле трава,
Что на свете есть тёплый дождь,
Что на свете есть листьев дрожь.
Вы простите мне эту малость,

Эту малость – мою усталость:
Десять месяцев невпопад
Всё мерещится листопад.

...Мне неможется, мне неможется.
Что с тобою? – друзья тревожатся.

– Что с тобою? – друзья тревожатся.
Головами качают вслед.
Что со мною? Со мною – снег.

– Десять месяцев до весны.
Десять месяцев белые сны.
Десять месяцев невпопад
Всё мерещится листопад.

– И подушка моя горяча,
И не надобно мне врача...

– Есть лекарственные слова:
Что растёт на земле трава...

– ...Мне неможется, мне неможется.
Что с тобою? – друзья тревожатся.
Головами качают вслед.
Что со мною? Со мною – снег.
Десять месяцев до весны.
Десять месяцев белые сны.
Десять месяцев невпопад
Всё мерещится листопад.

– И подушка моя горяча,
И не надобно мне врача...

– Что растёт на земле трава,
Что на свете есть тёплый дождь,
Что на свете есть листьев дрожь.
Вы простите мне эту малость,
Эту малость – мою усталость:
Десять месяцев невпопад
Всё мерещится листопад.

Чувство любви, как вкус хлеба – одинаково у всех

– ...Вы спрашиваете меня о силе, о том, как поэты приходят. Вот 1909—1914 годы, посмотрите, кто родился: Павел Васильев, Дмитрий Кедрин, Алексей Недогонов, Павел Шубин, Борис Ручьев – представляете, какая плеяда! Все перед революцией. Борис Корнилов еще. Ну, это же гениальная группа! Разве она уступит пушкинскому «набору»?! Лермонтовскому? Поэты рождаются букетом, как сноп ромашек! Окружение Пушкина выжило, а этих почти всех уничтожили.

– То есть критик Владимир Бондаренко прав, когда рассуждает о детях 37-го года?

– Нет, он не прав, потому что ему опять надо привести огромного Синайского верблюда и сказать: я привел, смотрите! А дети 37-го года... Мы все, вся страна – дети 37-го года, ни у одной семьи не найдешь островка, если жизнь назовем мы речкой, то не найдешь островка, на берегу которого не расстреливали бы, такой семьи нету. И говорить о том, мы – дети 37-го, дети 41-го года... Да русская нация до сих пор из окопов еще не вышла.

И посмотрите: где Павел Шубин? Погиб. Где Кедрин? Погиб. Где Недогонов? Погиб. Где Павел Васильев? Расстрелян. Где Корнилов? Расстрелян. Где Ручьев? Двадцать лет – каторга. Представьте, я вам говорю: идемте, покажу вам город. Небольшой, мы его в течение часа пройдем. И я вам показываю великолепный дворец, а дальше – разрушенный дом. Бомба упала, кругом развалины. Дальше идем – красивое здание, газон, а рядом – опять руины. Какое у вас будет впечатление от города? Или: я вам говорю – мы пойдем в бор, в кедровый бор, вы увидите красивые деревья, вечные, бессмертные. Приходим. И вы видите – каждое второе дерево спилено, завалено хвоей, ветками, топоры лежат. Как вы себя почувствуете?!

Наше поколение поднималось, мы не знали их стихов, но мы знали – Павел Васильев – расстрелян, Корнилов – расстрелян, Кедрин – убит, Шубин – из окна выбросился. Какое у нас было впечатление?! А если бы нам их стихи последовательно, красиво преподавались?! Мы же тоже травмированы их судьбами, понимаете?

Это вот всё равно, что в семье растёт один ребенок. Девочка, допустим. Она живет, у нее есть подруга, друг, вырастет, будет муж, свекровь, свёкор. Но она никогда не узнает, что такое чувство сестренки! Что такое быть старшей сестрой, младшей, что такое брат, что такое жена брата, его дети. Есть мир – вокруг дерева всегда бывает в пустыне песок, внизу бывают родники, которые питают это дерево, над ним облака идут, ливни ходят, в России вокруг дерева бывает трава, кусты, можжевельник, ромашка возле дерева стоит у корней... Но разве человек глупее и бессмысленней создан природой? Разве он одиночей дерева? Нет, он кустистой дерева. А это всё искусство. И это всё жизнь. И когда мы прерваны, мы через поколение все равно начинаем соединяться. Но вокруг нас выпала огромная страна поэтическая, потому что творения наших мастеров были разрушены. А вместо их кого нам давали? Безыменных? Межировых?

И в конце концов всё это сказалося на вашем литературном поколении и на вашем творчестве. Сказалась вот эта подспудная опустошенность. С одной стороны трагическая – колымская опустошенность, с другой стороны – безверье, и с третьей стороны опустошенность евтущенок и рождественских. Пустые, глупые – это ведь тоже имитация чувства и имитация лица поэта, которого нет. Вот ваш хлеб...

Красиво же сказано?

– Да, очень...

– При Советской власти я мог бы с моей энергией быть самым богатым, самым большим депутатом. А я с ними воевал... Или стихи о любви: «Это платье твое летит, красным облаком надо мною!...» Сила какая, удаль! А это всё... «Зыбко», «мучительно-зыбко», «образ твой»...

– Может быть, вам такое чувство любви незнакомо, когда всё «мучительно-зыбко»...

– А это не чувство любви. Чувство любви – как вкус хлеба, одинаково у всех. Вот кто его как мычит и выражает, это дело другое. Или буханка тебе досталась или крошка... Почти Островский: «Мучительно больно за бесцельно прожитые годы...»

В молодости я много и горячо выступал, и на меня не обижались за мою резкость. Потом шли все пить и обнимали меня. Но ведь я сразу мог и плакать над стихами, не только смеяться! Например, папа мой пел, голос у него – изумительный, лучше чем у Лемешева голос, лицо такое горькое, гармошка, и как он запоем... А мама сидит, восемь ребятишек родила ему, подпевает. Он поет, а я – плачу...

Давайте я свои стихи прочитаю. Ничего здесь, никакого хвастовства нет. Лучше меня многие пишут, не в этом дело. Вот, допустим мы говорим о любви к родине, о трагедии пережитой. И я начинаю:

О каком времени я говорю и почему – всё ясно, недомолвок нет.

Пою! Плакать же охота, правда?

Одно из самых любимых моих стихотворений. Только читать тяжело мне его на сцене!

Это стихотворение невозможно победить, правда? Невозможно!

– Да, у него есть боль и стихия, похожая на вас.

– А еще здесь такая беззащитность: «Вырастал я за сына и брата, Из тяжелой и злой маеты, Вам, которые ложью распяты, Вам, которые пулей взяты». Я многие стихи писал, плача, многие. А потом я думаю: «Дурак я, дурак, что ж я такой слабовольный!» И вспомню: «Над вымыслом слезами обольюсь...»

Мне до тебя никак не дотянуться,
Весёлая, ты канула вдали,
А ветер свищет, и деревья гнутся,
И ветками касаются земли...

Иноземцу меня не осилить,
И уже невозможно пресечь,

Я недаром родился в России,
И пою её горе и меч.

Вырастал я за сына и брата
Из тяжелой и злой маеты,
Вам, которые ложью распяты,
Вам, которые пулей взяты.

Смолкни ветер над миром разбоя,
Эхо смерти не шастай в лесу,
Я боюсь, что однажды с собою
Тайну века во тьму унесу.

Будет каждая крыша согрета,
Вспыхнет праведный свет навсегда,
Если в грозную память поэта
Залетает вселенной звезда.

Если выстояв, выдюжив, вызнав
Я поднялся – и солнце в груди,
Если вещая мать-Отчизна
День и ночь у меня впереди!

Струны совести, памяти стрелы
Красной масти на поле цветы,
Это чувства и слова пределы,
Это ты моя родина, ты!

Под ладонями красоты

– Валентин Васильевич, вы много своих работ – очерков, статей, цикл поэтический «Ока моя лебязья» посвятили Есенину...

– Понимаете, что есть Есенин для русских... Мне сложно это даже выразить. Вот я в поле выбегаю – я, ребенок, и я впервые увидел солнце на этом поле, траву зеленую, цветы яркие, а там, вдали, может быть, ива наклонилась и плачет. Цветы радуются, ива плачет, солнце смеется, а я ребенок, да? А вот бывает так, что я седой, но выбегаю на поэтическое поле как ребенок, я, проживший много, переживший много трагедий, совершивший много хорошего и, наверное, есть у меня и какие-то поступки которые нельзя назвать хорошими, которые могут мешать моей радости, я – человек... И вдруг я вижу, что Есенин меня возвращает к этому состоянию, мудрого, седого, как будто бы я выбежал один на это поле и впервые увидел мир этот и увидел, что я из этого мира сам вырос, вместе с ивой плачущей, вместе с улыбающимися солнышками, вместе с радостными цветами, пестрыми. Есенин говорит – а критика наша никогда это не увидит, критика только ест, и когда ей вкусно на языке, она понимает – вкусно, и опять ест, ест, ест... А её спроси: что ты ешь? Она и ответит: поэта ем, поэта, вот уже пятый или десятый год ем, поэта, буду есть его, ем и никому не уступлю... Вот это критика. А посмотрите: «Не бродить, не мять в кустах багряных Лебеды и не искать следа. Со снопом волос твоих овсяных Отоснилась ты мне навсегда». Не только эта картина, а вся философия крестьянского уклада, русской жизни тяжелой, с борьбой вековой, с похоронами бесконечными, трагедиями памяти её, ведь лебеда в народе зовется забвень-лебеда, в пословицах говорят: быльем да лебедой поросло, бедой-лебедой поросло; в былинах и поэмах лебеда и беда рифмуются бесконечно.

И вот Есенин: «Не бродить, не мять в кустах багряных Лебеды и не искать следа», – всё, что мать ему рассказывала, может быть, о молодости своей, всё, что сам пережил – входит сюда. Ушла любовь его, любимая, радость его, и быльем поросла тропина, по которой они ходили в родном своем Константинове, на холме бывали, у речки, у Оки – всё лебедой поросло. Значит, навсегда он простился с первой любовью, с радостью, с красотой. И всё это вот на таком былинном, на таком калитковом даже, на таком скамеечном – возле окошка – мире и языке чувствует он.

А дальше говорит: «Со снопом волос твоих овсяных Отоснилась ты мне навсегда». Да был бы я идиотом, или был бы я, минимум, после ВПШ – Высшей партийной школы кандидатом наук, если я бы не увидел, что Есенин эту любовь свою, девчонку, или девушку, или невесту, или, может быть даже молодую жену чью-то, он её видел такую овсяную, с золотистыми косами, среди ометов, на поле, на полосе – рожь ли там сверкала, золотилась, пшеница ли, овес ли, но она же из этого мира выросла! И опять быт какой, история какая, и село – привязанность его какая! Он ребенок, взрослый, 15-ти или 30-летний ребенок удивился, что всё у него отобрано временем, неумехами или же ими самими. Он сказал, но он еще не успокоился. Посмотрите, картина продолжается дальше: «Отоснилась ты мне навсегда». То есть красоту, молодость, любовь, теперь даже и во сне уже вот эта гряда-лебеда отодвинула, она уже и во сне ему мешает. Ведь реветь же охота, понимаете?

Дальше он говорит: «С алым соком ягоды на коже, Нежная, красивая была!» Для кого не знаю как, а для меня я знаю: вот и сад зашумел, сад этой деревни, судьбы его – сад, ведь надо так сказать: «С алым соком ягоды на коже!» Ведь почти «физиология», но красота перед тем такая, овсянно-золотая, солнечная, такая поляновая, что мы даже эту физиологию воспринимаем как продолжение той красоты.

И опять он не успокоился и ещё трагичней говорит, еще картинней и художественней, беспощадней в красоте своей и страстях! Посмотрите: «Зерна глаз твоих осыпались, завяли,

Имя тонкое растаяло, как звук». Ну надо быть полнейшим идиотом, глухонемым, жестоким, злым человеком, чтобы не ощущать в этих словах звон поля, звон ливня, тоску закатную, вечернюю, одиночество плёса этого, ну как это не ощутить! «Зерна глаз твоих», – опять же идет вот от этих хлебных полей, от этого солнечного крика, изумления природой, идет. Картина настолько живая – как крик человека, он вырастает из этой земли и его ничем не сломишь, не победишь! «Зерна глаз твоих», – ну ведь даже крестьянин, даже мать, морщины проступают здесь, а это поэт говорит, сильный, мощный, глазастый. Мудрость какая! «Имя тонкое растаяло, как звук», – успокойся, правда? Но русский человек не успокоится, пока не нарвется на пулю или сам не умрет. Вот такие мы! Так вот мы под ладонями красоты и погибнем, если мы не отрезвеем и не ожесточимся.

«Но остался в складках смятой шали Запах меда от невинных рук». Боже мой! Боже мой... В Библии – Бог меня простит – я не найду такой красоты. Я найду, может быть, более мудрые, более страстные слова – Библия очень страстный учебник жизни, но такой красоты и такого покаяния нет – «Но остался в складках смятой шали Запах меда от невинных рук». Каким же надо быть слепым, чтоб не видеть омет золотистый, звенящую рожь, овес, бегущий под ветром, серебристый, лицо этой красавицы, девушки, невесты, взошедшей из всего этого – солнечного, светоносного! И предметность опять какая – шаль! И вот я думаю: ну, мало судьбы, что она ушла, красота, судьба трагическая – шаль, это значит, печаль вот эта, возрастная, может мать появиться, может с огромными кричащими глазами бабушка русская встать на дороге – не объедешь и не обойдешь. И всё вот в этом, всё в красоте, в трагичности, верности и неодолимом бессмертии. Вот как я понимаю язык свой, слово своё, и систему русского образа, художественного, в слове русском.

– Но что же есть тогда поэзия? Трагическая дорога, судьба?

– Поэзия не может быть профессией, это трагическое самоощущение и встреча с жизнью, так бы я назвал судьбу и действия, жизнь поэта. То, что сказал Есенин, может сказать любой поэт, но как скажет? Допустим, разжигает человек костер. Ага, пошарил в кармане, спички у него есть. Теперь он дров наломал, есть. Бересты пошел надрал. Зажег – костер, горит красиво. Он из деталей собрал, понимаете? А Есенин, он ведь не знал, что он это делает – что лепит образ, что «костер» собирает... В этот миг он не знал, он просто шел и... Вот, допустим, когда Христос шел по Иорданским холмам, он же не думал, что он ступает на эти холмы! Перед ним даль такая, пустыня, и он идет. Так и Есенин.

Даже очень талантливому поэту, ему надо собирать образ, как бы конструировать его, ковать цепь – пусть даже она золотая. А Есенину ничего не нужно, он словно кулик – плакал, плакал, вышел из волны той, из плеса, отряхнул крылья и улетел. Или лебедь плывет, шея такая длинная, голова красивая, мы наблюдаем – плывет, как будто бы это белая молния успокоилась и идет по плесу, правда? А лебедь же об этом не знает! Он вышел на зеленый-зеленый луг, красивый, отряхнулся, все брызги серебристые, еще сверкучей дождя летят от него в четыре стороны, а он не знает... Вот настоящий-то Есенин – это белый лебедь. Если к нам, к русским поэтам в какой-то миг приходит это самовыражение в слове, Боже мой! Значит, нами руководит Христос, идущий через рыжий песок, через тяжелые дюны, через великий огненный ветер пустыни. Вот так и надо идти к русскому народу!

2002

Украденное богатство

О глубине и трагедийности

– Валентин Васильевич, прошлый разговор мы начали с поэзии Осипа Мандельштама. Думаю, будет правильно, если в наших беседах мы будем касаться и творчества ныне действующих литераторов. Хочу вам прочесть несколько стихотворений из недавно вышедшей в Москве книги «Засекреченный рай». Её автор, поэт Игорь Тюленев, лауреат многих литературных премий. Юрий Кузнецов так охарактеризовал его творчество: «В стихах Игоря Тюленева ветвится ствол характера и судьбы. Если его характер принадлежит ему, то его судьба неотделима от судьбы Родины...».

– Я хорошо знаю Игоря Тюленева. Пожалуйста, читайте.

– Открываю сборник наугад... Стихотворение «Школьный музей».

– Это не стихи и даже не басня. Это – поспешность, публицистика. Конечно, она вполне допустима в поэзии, но публицистика Пушкинская, Лермонтовская совсем иная:

Горе какое, камень какой святой – в груди или на плечах; какой груз, Богом положенный, нареченный Богом нести! А Игорь Тюленев все говорит правильно, гладко: «И закупили тюлевые шторы». Но звучит это мелкотравчато... Профиль, анфас... Карикатурно.

– Продолжаю:

– Ничего. Но сделано холодно. Читатель это чувствует, а значит, когда поэт писал, он был бесстрастным! И так ли важна сия информация?

– Плохо это! Игорь Тюленев – человек честный, умный, он учился у нас на Высших Литературных Курсах, занимался в семинаре Юрия Кузнецова. Но понимаете, в чем дело: у одного душа кричит, прекрасный язык, голос прекрасный, а совершенство техническое, как говорится, техника стиха, ему не дается. Слово его хромает, ритм хромает. Так вот, лучше его читать! Знаете, лучше смотреть на усталого скакуна, усталого коня с печальными глазами, чем на огромного, дурного бугая.

Игорю захотелось сказать, что он поэт, что он отличен от других выпускников, хоть и попал в школьный музей. Стихотворение сделано технически громоздко – будто это телега, свободно пущенная с горы. И вот она тарыхтит вниз – без хозяина и без коня. Ну что же, такие стихи имеют право на существование. Особенно много их было в эпоху индустриализации и военной поры.

– Прочитаю еще одно короткое стихотворение:

– Хорошо. Крепкие стихи, только не надо было рифму терять. «Одну» и «родню», это все-таки рифма, как бы вам сказать... Придавленная полутрезвым сапогом. Фрукт лежит на асфальте, человек наступил, и яблоко лопнуло. А не надо этого делать! Поэт должен быть красивым и в действии, и во фразе.

– Еще одно стихотворение на эту же тему. Эпиграф: «46 Тюленевых из нашей округи геройски пали на фронтах Отечественной, в том числе и мой родной дядя Федор Иванович».

– Молодец! Посмотрите, когда душа искренна, она независима от равнодушия. Мало ли чего я хочу сказать, но если душа моя равнодушна, если она меня не окликнет, я и скажу бесстрастно. Люди прочтут стихотворение и подумают: «А зачем он это написал?» Посмотрите, от одного эпиграфа плакать охота!.. Это строфа изумительная!

– Дальше:

– Хорошо! Он говорит, и куда денешься от его горя, от его признания, от доверчивости его! Он нас не знает, мы ему чужие; допустим, он в поезде едет, или по тропе шел, мы встретились, закурили, или за чаркой с ним сели, и вот он говорит о своем чувстве, о своем горе...

А после ты подумаешь: какой умный мне человек повстречался! Молодец. Но пусть уберёт «попо» в первой строчке...

– Продолжу:

– «Размножил»... Это же не ксерокс, не надо было ему так говорить! Но все равно молодец. Я, конечно, очень суровый человек, и молодой поэт может осерчать: «Да пошел он подальше, подумаешь, учит!» Но когда он будет такой же опытный, как я, он скажет: «А Василич-то был прав!..»

– Я, конечно, далек от того, чтобы обожать Ленина или Сталина. И не все их имена выкрикивали. Нужно поэту иметь расстояние между собой и ними. И помнить, что на этом расстоянии стоит мать, а за нею Мать-Богородица, а за ней Иисус Христос, а там отец твой, брат твой, а там – могилы родные. Если человек этого не помнит, он или балда, или слепец. А Игорь Тюленев это понимает, молодец, если глубже поймет.

– И заключительная строфа:

– Молодец Игорь, молодец! Сегодня я рано проснулся и думал об Александре Блоке. У него очень много стихов, которые летят, как веселые листья. Вроде бы пролетели, и всё, осени ещё нет, лето ещё не созрело, а они откуда-то взялись, сорвались на ветру и летят... Человек посмотрел на них и забыл. Потому что впереди ещё все будет золотое перед тобой: трава будет на цыпочки подниматься, птицы будут плакать от радости осени, где золотая заря всплывет над нами, и над очами нашими, и над крестами нашими... А листья – улетели.

Таковыми у Блока были юношеские стихи. И подобные стихи можно найти у каждого поэта, даже у Пушкина – некоторые его ранние произведения были очень наивны. Я говорю это к тому, что поэт и не обязан каждое стихотворение выдавать сильным. Это и не получится. Но стихотворение технически должно быть опрятно. А страсть, глубина, трагичность, звездное ощущение радости – всё это иногда даже и от поэта не зависит. Но один поэт напишет десять, а другой – пятьдесят звездных стихотворений. Значит, Христос больше его любит, чем других и присылает ему это состояние. И говорит: на тебе, Вася, на тебе, Саша, на тебе, господин Пушкин. Ну что же делать, Бог дарит!.. Потому мы прощаем Игорю Тюленеву первое слабое стихотворение, а за это, очень искреннее, благодарим... Хотя, всё равно, «размножил», ну что это такое?! Я вот сейчас сижу, на мне темный костюм. Вдруг посмотрел – на нем белая пуговица. Да ведь с ума можно сойти! Так и это.

– Прочту еще одно стихотворение из этой книги.

– «Лаз» – плохо. Эдем – это же не сарай! Сегодня у нас есть такие, извините за выражение, ночные кабаре, с условным девизом: «Не желаете ли отдохнуть в сумерках?» Туда может быть лаз, допустим, через второй этаж, если есть милиционер знакомый или Лужков подъезд не отремонтировал. А Эдем это Эдем, и там все было сделано по тем временам прочно. И даже после наших несогласий с Богом, порчи и прочего всё осталось в камне и в ажуре. Лаза там не было, в этом он может не сомневаться.

– Строгий вы человек... Продолжаю.

– По логике и по совести, так мы скажем, это ведь очень правильное стихотворение. Оно – протест против эдемной «перестройки» и против «телохранителей» этого здания, начиная с президентов, с премьеров, ну и кончая чеченами, боевиками. Честное стихотворение. Но оно не имеет того крика, вздоха того, какой должен быть, и который стихотворение сделал бы глубже. Я заметил такую вещь: всё, что глубоко, всё трагично. Бывает человек смолоду очень легковесный – всё хохочет. А бывает, что человек смеётся с такой грустью, что ты, беседа с ним, умнеешь. То есть все эти неисчислимые цвета наших чувств, расчувств, подчувств, надчувств, они – безбрежны, почти неуловимы. А в русском народе еще говорят: смех сквозь слезы. Это же не зря сказано! о

Игорь взял очень трагические темы. Он переживает за наш житейский бардак, когда унижена женщина, унижена любовь, красота унижена. Ну что ж, по Сеньке и шапка, будь здо-

ров, будь на уровне этой трагедии! Но я возвращаюсь снова к принципу возникновения темы, образа и к возможности красиво, вдохновенно сказать об этом, или о спокойствии, которое помешает это сделать. Желание и тема, посетившая тебя, и даже нарисованный образ этой темы – далеко еще не воплощение твоих чаяний. И здесь самообман – частый гость: как бы обязанный всеми посетившими тебя возможностями, ты забываешь о главном – о неизбежной стихии, о безбрежном чувстве. Бывает такое состояние, что говоришь не ты, не ты, а кто-то другой – очень умный, страдающий и сильный. Вот какой-то заревой ком подступил к твоему сердцу и выразил тебя! Игорю Тюленеву надо очень следить за появлением под его сердцем желанием сказать и за тем, чтобы это желание было объято огнем вдохновения, которое бы выразило самого поэта.

Игорь Тюленев человек хороший, поворотливый, с умной тревогой в глазах. Вот так вот я о нем думаю...

На родине моей в девятой школе,
Отдали под музей начальный класс.
И закупили тюлевые шторы,
Развесили нас в профиль и в анфас.

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русской душой.

Поэт, биатлонист олимпиады
И средний чин из президентских сфер
Мы трое проучились здесь когда-то,
Тот октябренок, этот пионер.

– Лишь я один – ни сено, ни солома,
И видит Бог, нигде не состоял.
Но вырван был поэзией из дома
И вот... музейным экспонатом стал.

Лишь эту землю
Признаю одну
Не только потому,
Что здесь родился,
Я с ней своей кровью
Поделился
Когда в ней хоронил
Свою родню.

46 Тюленевых в округе
Защищают Родину мою.

46 царя-грузина слуги,
Я их всех по ликам узнаю.

Вот иду согбенный по погосту,
Тот и этот – вся моя родня.
Защищать Отечество не просто
С той поры до нынешнего дня.

Я один фамилию размножил,
Вешками расставил по стране.
С вами 46 я жизнью прожил,
Ваша слава остается мне!

– С криками: – За Родину! За Сталина!
Падала убитая родня.
Нынешними всё на горца свалено
Значит и на вас, и на меня.

Но идет народная стихия,
Словно искра Божьего огня!
46 Тюленевых в России,
46 Тюленевых и я!

Ночное. Детский бег коня,
Луна, как лаз в Эдем.
Но там еще не ждут меня,
Туда приду я с чем?

С губной помадой на щеке,
С бутылкою в одной руке
И со стилем в другой,
Сказав Петру: «Я – свой!»

– Пока не свой, – промолвит Петр,
И я скажу в ответ:
– Да, я с тобой согласен, Петр.
Мне дорог этот свет!

О раздумьях поэтов

– В прошлой нашей беседе мы говорили о том, значит Есенин для русских. Но мне кажется, что ваша поэзия ближе к блоковской традиции... *что*

– Я очень люблю Александра Блока. Я люблю глаза его, лицо его люблю. Возьмите современных наших поэтов, особенно тех, которых сегодня можно увидеть на телеэкране: они там хихикают, или кулаками стучат, или кого-то обличают. Так вот, если бы вдруг поместили на экран лицо Блока, а потом зритель перевел свой взгляд на физиономии этих поэтов, то он бы невольно вздохнул. Даже если бы диктор и не сказал: «Вот были они, а это был Александр Блок». Здесь ведь и говорить много не надо, люди и так видят, кто есть кто... Раздумья поэта соответствуют не только его ощущениям, пониманием, но и его внешнему образу и даже тому, как он относится к холму, к другу, к любимой и т. д.

У Александра Блока есть такие стихи, что кажется, будто он опускался на самое дно нищеты. Нищеты незлобивой, нищеты, не мечтающей о богатстве, нищеты не продажной, а нищеты, таящей в себе огромный огонь, огромный запас благородства. У Александра Блока можно найти стихи о крестьянине, о борозде, о избе, о рядовом воине. И это не перевоплощение: допустим, сегодня актер играет Ивана Грозного, а завтра изображает повара и хорошо делает котлеты, даже чуть-чуть их недосаливая, чтобы был «эффект». Поэт – не артист. Блок – много раз как бы распятый человек...

– Наверное, это особенно видно в финале поэмы «Двенадцать»?

– Маяковский говорит: «Видел Блока у революционных костров в Петрограде». Блок ходил один, ночью. Представьте, какое же было непогодное окружение, атмосфера, в которой жил поэт, если он бродил в одиночестве среди этих костров! Он, видимо, хотел понять: ну как же мне быть?! Ведь он слышал эти kloкочущие родники крови безвинной – война народа с народом, брата с братом, огорода с огородом, прицела с прицелом, разве он не понимал это все?!

Поэма «Двенадцать». Вроде идут в ней частушки, революция, вроде бы победила правда, красное знамя победило, и вроде бы сам поэт это понимает. Но чем же он завершил поэму? «Впереди – Иисус Христос». Я даже мальчишкой думал об этом: почему Блок так написал? А сейчас мы на коленях кирпичи носим, чтобы храмы восстановить! Вот тебе и «Впереди Иисус Христос»! Как Блок и предвещал: «Вы-то накровавились, надрались, вы перестреляли друг друга, вы должны приползти к Богу, и пока он вас не простит, пока вы не начнете эту красоту возводить, чтобы над вами опять возник этот осиянный крест, ничего вы не сделаете!...»

– Я думаю: неужели настанет время, кода лицо Александра Блока, пророчески произнесшего «Впереди – Иисус Христос», можно будет хоть изредка увидеть на телеэкране...

– Маленькие народы так берегут своих поэтов! Мне, конечно, тяжело говорить – «маленькие народы». Потому что и мы становимся маленьким народом. Турция нас догоняет, Пакистан уже перегнал по населению, Япония ушла дальше нас. А мы когда-то хохотали над разницей численности наших народов – между Японией и нами. Сейчас, я думаю, немцев в ФРГ больше, чем русских в России. Мало того, что мы вымираем, нас еще и убивают – не менее ста тысяч в год. Убивают в основном молодых, активных. Предпринимателей, например. Некоторые говорят: ну, чего новых русских жалеть!.. Но, во-первых, и предприниматель может быть честным человеком, а, во-вторых, и новый русский способен прикинуть душой к Отчеству. Сын у него вырастет, будет инженером, дочка вырастет, станет врачом... Так ведь тоже могло быть.

Дальше. Ежегодно около пятидесяти тысяч человек у нас пропадают без вести. Их воруют, калечат, вывозят за границу. А ещё ежегодно около 900 тысяч человек у нас вымирает. Поэтому я думаю, что придет время, когда останется маленький русский народ, и он так будет

беречь поэтов! И не потому, дескать, что они лучшие. Для меня, конечно, поэты – лучшие. Как для старой вороны, у которой самая красивая птица – ворона, самая любимая стая – ворны. Хотя себя я отношу к тем еще беркутам!.. Я человек очень драчливый... Но народ будет беречь поэтов не потому, что поэт лучше остальных людей, а потому, что увидит в нем свое спасение. ◉

Ведь настоящий поэт – это человек даже более глубокий, чем проповедник. Мы не говорим о святых или о пророках, хотя поэт часто провидит будущее, он сам – пророк. Но народ увидит в поэте спасение языка своего, спасение песни, спасение нрава своего, спасение дома своего, потому что поэт несет невыразимое тепло, в котором живет человек. Александр Блок говорит:

Это же кошмар, как сказано! А стихотворение «Авиатор», помните? Когда летчик падает с высоты, и в «сплетеньи проволок машины Рука мертвее рычага»? А как всё начиналось?!

Блок – это пророк, идущий в грядущее. Пророк, который нам говорит: здравствуйте, ну что? Как вы себя чувствуете? Всё, что мы натворили, грядущие поколения не смогут перейти, пока не излечат нанесенные нами раны. А ещё он нам говорит:

И вот к берегам Испании шел танкер «Престиж». Вёз 700 тысяч тонн нефти. Дешево, правда? Потому что один танкер, один капитан, у него один помощник, пять матросов и 700 тысяч тонн нефти. Кто-то стоял на берегу и гладил живот: мой танкер, моя нефть! Дешево привезут... А вот представьте, шел бы не один танкер, а 70, каждый по 10 тысяч тонн. И, допустим, произошла авария на борту, её сразу бы ликвидировали. Но для богача главное прибыль, им нужно с каждого литра нефти урвать выгоду. Ну, допустим, сидит обжора, и ему на сапог или на ботинок упала икринка. Он ее – раз, поднял и сожрал. Вот такой народ они, понимаете?

А когда Бог разломил танкер, ткнул носом в эту трагедию, то разве оправдывается эта «экономия» на перевозках?! Я смотрю, побережье черное, вода черная и чайка черная – плачет. На птиц, на животных еще тяжелее смотреть, когда они попадают в беду. Я – лесной человек, я вырос среди озер, рек, птиц, зверей, соловьев, лягушек! Среди уток – утка начинает крикать – заслушаешься! Мать и мать. Хозяйка. Она выходит на берег и бранит, как бы взбучку дает своим утятам.

Месть природы – страшная месть. И человек, болван, ничему не научился, ничему...

Или возьмем дневники Александра Блока. Отношение его к политике, к другим писателям. Блок любил Горького. Но когда тот ушел в политику, Блок пишет в дневниках: я все больше и больше начинаю отходить от Горького. Потом он резкие слова говорит, что я протестую, что я всё выскажу ему... Но не из-за себя же это делал Блок!

Он ведь голодной смертью умер, а мы лжем об этом до сих пор. В пайке ему отказали. Но не пойдет же Блок к Зиновьеву просить себе хлеба! Где-то я читал, что Зиновьев после беседы с поэтом (какая-то у них встреча была, но не о пайке, конечно, шла речь) сказал: вы должны умереть, потому что вы – мастодонт, прошлое. Вынутая из корыта борода Яши Свердлова – грядущее, а глазастый как Христос Блок – прошлое. А видите, всё получилось так, как Бог задумал. Блок и есть будущее.

А в «пайке» ему отказали... Пошла водянка – она бывает от голодной жизни, и русские эмигранты в Финляндии, услышав, что Блок умирает, решили его забрать. Зиновьев отказал, дошло до Ленина. А я так думаю, что один Ленин не стоит одного Блока, и даже десять ленинов не стоят одного Александра Блока.

Многие политики, которые прежде 15—20 глав из Ленина наизусть знали (они работали в ЦК партии, в КГБ их было много), книги Ильича теперь выбрасывают. На помойки. Это ведь нехорошо? Это неуважительно. Но Блока никто не выбросит. Даже они. Потому что на молитву грешно наступать, даже палачи это не смеют делать. Вот что такое Блок...

Век девятнадцатый, железный,
Воистину жестокий век.

Тобою в мрак ночной беззвездный
Беспечный брошен человек.

Но снова в золотом тумане
Как будто – неземной аккорд...
Он близок, миг рукоплесканий
И жалкий мировой рекорд!

И неустанный рев машины
Кующий гибель день и ночь.

«Те, кто достойней, Боже, Боже...»

– Валентин Васильевич, почему же Александр Блок был таким красивым, таким одухотворенным поэтом?

– Поэзия его, она настолько народная!.. Я иногда думаю: почему же так? Почему же Пушкин стоял и записывал песни о Стеньке Разине? Почему Блок о своем Шахматове так красиво пишет? У него там озерко такое, у нас на Урале говорят: «озерце», болото и болото для меня. На Урале если озеро, так на полмира, если гора – так даже Китай с неё видно... А у Блока в дневниках мы найдем: в этом озерке нашем плавают разбитые бурей части кораблей, которые сюда из океанов подземными морями приплывают... Это же изумительно! Человек какой! Разве можно было его губить!

И вот отсюда у него стихи невероятной силы.

– Вы можете прочесть свои любимые?

– Да.

Боже мой, Боже мой, Боже! Христос мой великий, бессмертный! Зачем же он нам, дуракам, так сказал: «Торопливый полет комет...» Мы с вами – не слепые, мы с вами – не бескрылые, хоть раз, хоть миг в жизни, но всегда-всегда каждый из нас ощутит – мы-то и есть торопливые кометы! Как же нам не любить Александра Блока?! Да пропади они все пропадом, эти слепоглухонемые, начиная от Чубайса и кончая самым пьяным киллером за эти строчки!

Но Блок ведь и другой. Александр Блок – как древний камень, который в сказке. Направо пойдешь – коня потеряешь, налево пойдешь – жену потеряешь... А богатырь говорит: прямо я и пошел! А там – головы не сносить. Таков Блок. Он нам говорит в этой кровавой эпохе, когда один путь за истину, если ты с чем-то не согласен – под пласт земли. Когда какая-то шваль бородатая командует: становись к стенке! А кого ставят? Народ. Северный народ самой суровой страны, народ, который всю Европу и Азию вокруг себя обхлопывал – не мешайте нам жить!.. И этот народ – становись к стенке?! Блок пишет:

А достойны – правнуки, праправнуки Блока, которые перекрестясь, крепкие, красивые, глазастые, как Христос, возносят кресты на купола православные, чтобы мы жили, рождались и помнили, что у нас был Блок. Блок был, а по нашей траве монгольская конница скакала и копытила. И кто только на нас не шел! До Волги доходили, дергающийся Гитлер миллионы уничтожил, а мы Блока теперь издаем, нам он милей даже Савика Шустера...

– Тяжело вы говорите...

– Александр Блок – земля русская. Она родила народ. Если бы не было Блока – не пришел бы великий Есенин. Мы бы не знали его. А через Есенина мы все стали Рязань знать, даже лучше, чем свой двор деревенский. А что есть Рязань? Рязань выходит из тумана и говорит: посмотрите, какая я мудрая! Посмотрите, какая я настрадавшаяся! Посмотрите, какая седая я, я, мать ваша русская! Посмотрите, каких детей я несла у сердца, вырастила и отдала их вам. Александр Блок и Есенин – сыны мои. Не забывайте!..

Черный ворон в сумраке снежном,
Черный бархат на смуглых плечах.
Томный голос пением нежным
Мне поет о южных ночах.

В легком сердце – страсть и беспечность,
Словно с моря мне подан знак,
Над бездонным провалом в вечность,
Задыхаясь, летит, рысак.

Снежный ветер, твое дыханье,
Опьяненные губы мои...
Валентина, звезда, мечтанье!
Как поют твои соловьи...

Страшен мир! Он для сердца тесен!
В нем – твоих поцелуев бред,
Томный морок цыганских песен,
Торопливый полет комет!

Рожденные в года глухие,
Пути не помнят своего.
Мы – дети страшных лет России —
Забуть не в силах ничего.

Испепеляющие годы!
Безумья ли в вас, надежды ль весть?
От дней войны, от дней свободы —
Кровавый отсвет в лицах есть.

Есть немота – то гул набата
Заставил заградить уста.
В сердцах, восторженных когда-то,
Есть роковая пустота.

И пусть над нашим смертным ложем
Взовьется с криком воронье —
Те, кто достойней, Боже, Боже,
Да узрят царствие твоё!

О нищих душой

– Валентин Васильевич, ваша трактовка стихов и ваш взгляд на поэзию и жизнь очень отличны от воззрений господствующего ныне «общественного мнения». Почему?

– Понимаете, встретили вы человека. Он – хороший, в галстук, и живот у него есть, должность хорошая, и глупостей много в голове, и приятный он во всех отношениях. А ты, скажем, попал с ним в какую-то беду и ждал бы от него защиты и справедливости, но видишь, что это просто мешок с давно траченной мякиной, и толку от него не будет. Или перед тобой человек обаятельный, машет руками, радуется, а ты сел с ним за стол и понимаешь, что он – агрессивный мерзавец. А после думаешь: зачем я загубил с ним вечер?!

И эти вот люди, у которых давно душу съели насекомые, они-то, на нас глядя, и говорят: «Родинолюбы». Но какое они имели право так употреблять слово «Родина»? Так его коверкать и огрублять! А что такое Родина? Посмотрите, один корень – «род», «народ», это же все равно как «человек» – «чело» и «век». Ум твой, свет твой, глаза твои, а еще век тебе дан, чтобы соединить эти два понятия... «Род» и «народ», – разве это случайно, что они стоят, великаны, на золотом пьедестале, эти два понятия?

Для меня Родина – это тысячи-тысячи лет, откуда пришел, вырастая, голубоглазаясь, стройнея, добрея, мудрея, витязь мой – народ мой русский! Почему же я не могу радоваться тому, что есть у меня такой народ?! Если я вижу замечательного поэта из манси Андрея Тарханова, почему же я не должен ему радоваться?! Почему я должен думать о том, куда я ни пойду, везде Голда Мейер и Илья Эренбург? Это же скучно, в конце концов! Или почему я должен радоваться, если я в любой угол, в любую сторону пойду и везде – китайцы? Прекрасно, что есть палестинцы, что египтяне есть, англичане есть, даже хорошо, что Буш есть, черт с ним, в конце концов, ни в этом дело, и даже пусть его псевдоним Бен Ладен, только пусть он не кровавит и не калечит людей! А мы, значит, «родинолюбы»?.. А кого же мне еще любить? Я хочу, чтобы в моей душе, в моем сердце, в моем облике мама была, отец мой был. Я был маленький, очень на маму похожий, и мне говорили: «Вот – тетя Нюра!» Разве это плохо?!

А Есенин пишет:

Так почему же Есенин должен быть китайцем?! Я говорю это вам, вам, кто изобрел слово «Родинолюбы»! Вы – нищие душой, вы неинтересны памятью своей, у вас нет голоса, у вас нет речи, у вас нет стати, вы – просто пустой звон над всей территорией России. И вы – меня учите?! Но как я могу забыть маму, папу, забыть брата своего? У меня был брат – золотистоволосый, русский, играл на балалайке, на гармошке, танцевал прекрасно. И вдруг моего брата не стало, он погиб, и его нет. И что, я должен любить Шарона, а не своего русского брата?!

Пусть Шарон любит Шарона, маму свою любит, пусть на могилу Меер ездит, он мне не мешает. Но и вы, циники, не лезьте в мою русскую душу, и не учите меня быть нерусским!..

Разбуди меня завтра рано,
О моя терпеливая мать!
Я пойду за дорожным курганом
Дорого гостя встречать.

О зримости образа

– Валентин Васильевич, журнал «Наш современник» с 1989 года ведет поэт Станислав Куняев. «В современной литературе не так много личностей, отличающихся страстностью. Неравнодушные ко всему, что так или иначе связано с происходящим на просторах Отечества нашего, – вот „фирменный знак“ Станислава Юрьевича», – пишет о нем «Литгазета». К 70-летнему юбилею Станислава Куняева «Российский писатель» напечатал подборку его стихов. Давайте обратимся к некоторым из представленных стихотворений. «Путь змеи»:

– Дело в том, что это стихотворение поэта гневного. Гневного состояния поэта. Исповедь. Но всё равно «глава змеи»... У змеи – голова. Крестьянка, и даже ученый так не скажут – это Стас упустил из виду. Глава есть глава. Даже если глава секты какой-то. Это все-таки более широкое понятие и даже понимание государственного или какого-то иного движения, общины и т. д.

– Откуда у вас такая корневая точность слова? Это удивительно!

– Я родился в очень русской семье, и у нас говорили на изумительном, русском, так называемом – для Самуилов Маршаков – «неправильном» языке. Мама моя говорила: «Валька, Валька, какой ты несчастный!..» Не несчастный, а несчастная... А красиво же как! Некрасивых же слов вообще нет!

В прочитанном вами стихотворении поэт, конечно, очень разозлился на Ленина. Вождь наш когда-то говорил: «Цивилизованная Европа, Россия – тюрьма народов...» Тюрьма народов, плевал в неё с детства, а она его даже в камере подолгу не держала!.. Могла бы его просто ликвидировать и всё! Не сделала же Россия этого! А в цивилизованной Европе его бы сразу истребили.

В нас это внедрили: «нецивилизация», «нецивилизованность». Горбачев – безграмотный, глупый, самонадеянный, хитрый, ловкий, изворотливый тип. А тоже – «цивилизация Уевропы». Он не мог выговорить «Европа», говорил «Уевропа по Урал». И Ленин такой же малограмотный был! Плеханов примерно так о нём писал: «Вы почти не читаете книг! Всем, чем вы занимаетесь ежедневно, 24 часа в сутки – это кассой. Без вас даже никто никуда отъехать не может». То есть он, видимо, даже бухгалтера не держал, сам деньги выдавал. И, конечно, Ленин был человеком, поставленным нам Европой, также как Горбачев. Россию всё время боялись, во все века. И, значит, пожалуйста, «нецивилизованная, тюрьма народов»... Поэтому Стаса можно простить за его гнев, это – возмездие поэта. Хотя, я еще раз говорю, я не политик, я особо в эту ленинскую душу, в мавзолей его вторгаться не буду.

– У вас есть родственное по образу стихотворение, «Комета 1996 года». Вы пишете:

– Да, я не мог написать «глава дракона»! Образ какой – во-первых, чисто зрительный, во-вторых, какой подтекст мощный – «шевелинула голова дракона золотыми кольцами хвоста». Сила гнева, злобы, трагедии, катастрофа какая! И мощь какая! А кольца какие! Это же всё дорого, ведь кровь-то дорого обходится, даже Гитлеру!

– Любопытно, что дракон идет из русской мифологии, а если мы возьмем змею... Пушкин в стихотворении «Пророк» пишет: «И жало мудрыя змеи...». Змея в русской поэзии – образ положительный?

– Нет, змея – отрицательный образ, а эпитет «мудрыя» дает ему положительную окраску. Змеи есть подколодные и т. д. Не бывает врага глупого. Это мы Гитлера рисовали – вот, дурак, вроде бы потому, что барыню русскую не пляшет, цыганочку... Меня в этом стихотворении вот что смущает. Поэт, когда избирает тему, из темы в его воображении вырастает образ. И Стас не справился, он не довел его до зримого воплощения. Не может быть главы у змеи! Он не увидел образ. Пушкин пишет:

И мы всё это видим, то, что и поэт себе представил, вообразил. А тут этого нет.

– Согласна. Прочту еще одно стихотворение.

– Стас вообще прекрасный поэт русский поэт! Это стихотворение хорошее, но одно слово здесь не на месте. Конечно, я не автор, и Куняев может сказать: знаешь что, дорогой, иди своей дорогой! Ты пришел из уральской тайги, до сих пор ты дикий на московских тротуарах, а я из Калуги. Там недалеко Куликово поле. Стас, конечно, может мне это сказать. Но: слово-то «чуешь» не на месте! А вот если бы он сказал: «слышишь»! Ну-ка прочитайте еще раз!

– Ну, конечно. Чуешь... Дело в том, что есть слова, которые надо употреблять только в близком отношении украино-русского мира. Если Гоголь говорит, то он так здорово соединяет наши украинско-русские миры, их столкновения, или осязания, ощущения. Но есть и сугубо русское ощущение! А «чуешь» – это всё-таки более Украине слово принадлежит в данном контексте. Поэт не подготовил наше восприятие. И тут, если бы он сказал «слышишь», стихотворение было бы нежнее, точнее, легче и трагичнее.

Змея вползла, приподняла голову
с Кремлевского холма под небом хмурым
и на остолбеневшую Москву
взглянула алчно с ленинским прищуром.
Шли времена, перерождалась плоть,
змея росла и сбрасывала шкуру,
но тварям не дано перебороть,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.